

2000.04.002. ЭЛАМ М. ОПАСНО ЖИТЬ В ГИБРИДНОМ МИРЕ БРУНО ЛАТУРА.

ELAM M. Living dangerously with Bruno Latour in a hybrid world// Theory, culture & society. — L: SAYE, 1999. — Vol.16, № 4. — P.1-24.

Бруно Латур сожалеет о том, что живет в такой интеллектуальной культуре, которую он не может отнести к какой-либо определенной категории. Он говорит: вслед за крохотным вирусом спид'а мы переносимся сквозь континенты и тканевые культуры, ДНК, секс и бессознательное; тем не менее, общепринятая экспертиза настаивает на том, что все это имеет жесткую дисциплинарную упорядоченность. Эта дисциплинарная упорядоченность, считает Латур, возникает благодаря происшедшему в XVII в. строгому разделению между теми, кто изучает мир природы, и теми, кто изучает мир социума. Согласно Латуре, в конце XX в., это разделение, или “Большой Раздел”, оказалось радикально поколебленным, а поскольку его произвольность становится все более очевидной, то должно возникнуть понимание того, что мы никогда не относились ко времени модерна.

Чтобы помочь нам лучше разобраться в том, что мы любим называть модерном, Латур обращает наше внимание на два вида практической деятельности, которые вплоть до настоящего времени можно было рассматривать отдельно друг от друга. Первый вид — это практика трансляции, или опосредования; Латур связывает ее с периодом взаимного переплетения науки и технологии. Второй — это практика “выделения в чистом виде” (purification). По Латуре, именно эти два комплекса практических действий придают миру специфический облик модерна благодаря воссозданию и сохранению двух различных онтологических зон — человеческой культуры и природы без человека. Согласно Латуре, именно в понимании связи между трансляцией и “выделением в чистом виде” лежит ключ к разгадке тайны модерна. Как только мы сумеем понять, что эта связь существует, мы избавимся от мышления в духе модерна. Мы увидим, что “выделение в чистом виде” облегчило трансляцию, сделав ее невидимой; что оно ускорило производство гибридов, с успехом отрицая само их существование. Люди модерна думают, что они преуспели только потому, что тщательно разделили природу и общество (вынося при этом Бога за скобки), тогда как на самом деле они преуспели только потому, что в больших объемах перемешали человеческое и нечеловеческое, ничего не вынося за скобки и не исключая никаких комбинаций.

Согласно Латуру, чем более точными считают себя те, кто мыслит в духе модерна, тем больше неточностей они себе позволяют. Чем последовательнее мы становимся в своем видении трансцендентной природы и трансцендентного общества, тем сильнее будет столкновение со все более причудливой смешанной реальностью, лежащей в их основании. Основная идея Латура заключается в том, что нам больше не удастся быть современными в старом понимании этого слова. Мы должны открыть глаза на смешанную реальность. Мы должны освободить свое мышление от категорий, восходящих к XVII столетию, и развить наше политическое мышление настолько, чтобы понять, что наша политика создается в сфере науки и технологии, а природа создается обществом.

По мнению Латура, существуют два “Больших Раздела”, которые действительно принимаются в расчет, когда подводятся итоги нового времени или совершается переход в наше подлинное состояние “времени нон-модерна”. Во-первых, линия раздела проходит между людьми и “не-людьми” (что совпадает с разделением “природа-общество”). Во-вторых, мы проводим линию раздела между “Нами” и “Ими”, что для Латура означает разделение между “Нами” — носителями западной культуры — и “Ими” — носителями всех остальных культур, остающихся на стадии “пред-модерна”.

Первое означает “Большой Внутренний Раздел”, а второе — “Большой Внешний Раздел”. Соотношение между ними выглядит следующим образом. Чтобы понять “Большой Раздел” между “Нами” и “Ими”, мы должны вернуться к другому “Большому Разделу” — между людьми и теми, кто к ним не относится. Одно отсылает нас к другому. “Мы”, носители западной культуры, не можем представлять просто одну культуру из многих, потому что “Мы” ставим себе на службу также и Природу. Таким образом, сердцевину “проблемы соотношения” составляет вопрос о роли науки. Если бы деятельность людей Запада исчерпывалась торговлей и завоеваниями, грабежами и стремлением к господству, они не отделяли бы себя так резко от других торговцев и завоевателей. Но именно они изобрели науку — деятельность, принципиально отличную от завоеваний и торговли, политики и морали.

Обычно считается, что именно наука или, точнее, ложный имидж науки отделяет “Нас” от “Них”. Уничтожьте этот имидж, и вы снимете принципиальное различие между людьми Запада и теми, кто живет где-нибудь еще; между Западом и Востоком сложится новая симметрия.

Структурируя свою историю таким образом, Латур делает гораздо более затруднительными любые попытки ее опровержения. Человек, отказывающийся принимать во внимание отношение симметрии между людьми и теми, кто не является людьми, становится существом, с которым хотят иметь дело только фанатики и самодовольные, чванливые особы, не желающие открытыми глазами взглянуть на судьбу своих собратьев. Иными словами, Латур не боится играть на наших нравственных чувствах. Однако если вдуматься глубже, то содержание его концепции не исчерпывается простым морализированием: ведь за новыми симметриями лежат новые асимметрии, и эти новые асимметрии явственно просматриваются в концепции Латура. В самом деле, “Мы”, то есть те, кто никогда не были людьми модерна, — это все равно обитатели Запада, которые, несмотря на царство новой симметрии, все же не “Они”. Для Латура не-западный мир остается не только “нон-модерном”, но и “пред-модерном”. Таким образом, “Большой Раздел” сохраняется и в концепции Латура.

Подлинным успехом Латура является его трактовка “мира нон-модерна”. Все вертится вокруг двух “Больших Разделов”, причем предполагается, что один из них дает ключ к другому. Вместо того чтобы попытаться понять “Большой Раздел” между людьми и всем остальным, Латур предпочитает умалчивать о нем и сосредоточивает основное внимание на объяснении и новой идентификации второй линии раздела — между “Нами” и “Ими”. Тем самым Латур оставляет в стороне сложность “нон-модерна” и уходит от сколько-нибудь глубокого и детального обсуждения сложной проблемы различия людей и “не людей”. Главными действующими лицами в латуровских гибридных структурах науки и технологии чаще всего являются мужчины и машины. Другие люди и остальные “не люди” практически не видны. Фактически Латур не принимает во внимание взаимодействий между машинами и другими “не людьми”, а также между людьми и теми “не людьми”, которые не являются машинами. Однако гораздо большее значение имеет его отказ признать те глубокие, фундаментальные различия между людьми, которые не укладываются в воображаемый “Большой Раздел” между представителями западной цивилизации и всеми остальными.

Одно из самых больших умолчаний в текстах Латура касается различия полов. Между тем, многие исследователи (в особенности последователи феминизма) говорят о “Большом Разделе”, разделяющем миры мужского и женского опыта. В стороне остаются и национальные

различия. “Мы” Латура, т. е. те, кто никогда не относились к миру модерна, не только принадлежат к одному бесполому полу, но и к единой “западной нации”. Между тем, Запад в глазах его обитателей никогда не был единым, но всегда оставался разделенным на отдельные суверенные территории. Это — одна из основных глав нашей истории. И именно эту главу, как и главу о разделении полов, Латур предпочитает игнорировать. Когда нам становится понятно, что Латур опускает целые главы в истории “нон-модерна” и сосредоточивает внимание только на том, чему отдает предпочтение он сам, мы начинаем понимать, что он сам совершает подчистку. Его не интересует, как нанести на карту отношения сходства и различий; его интересует, как создать из них стройное, гармонически целое.

Почему Латур предпочитает повествовать о нон-модерне так, как он это делает? Почему два специфических частных раздела становятся в его глазах двумя “Самыми Большими Разделами”? Чтобы дать удовлетворительный ответ на эти вопросы, мы должны сначала признать, что Латур считает себя не деконструктивистом по отношению к модерну, а конструктивистом по отношению к нон-модерну. Быть может, он действительно считает своей задачей деконструкцию “Больших Разделов”, которые, как полагают, заложены в самой природе вещей, но гораздо более глубоким и сильным является его желание понять, в чем суть этих различий. Несмотря (а скорее даже благодаря) своей убежденности в существовании царства новой всеобщей симметрии, Латур все же говорит своей западной аудитории, что имеются огромные различия, разделяющие людей и не людей, а также “Нас” и “Их”. Разница в освещении этих больших различий между Латуром и остальными экспертами заключается в том, что теперь они считаются случайными, а не необходимыми; созданными людьми, а не данными изначально. Следовательно, два “Больших Раздела”, на которых Латур сосредоточил свое внимание, являются для него самыми большими просто потому, что они интересуют его больше всего. Он хочет не стереть эти два различия, а по-другому, более реалистически, их определить, с тем чтобы помочь нам отстаивать их более эффективно.

По мнению Латура, даже в мире нон-модерна именно наука и технология объясняют величайшие различия между “Нами” и “Ими”. Он считает, что на протяжении новой эры мы неправильно расшифровывали природу нашей научной культуры и поэтому неправильно определили разницу между Западом и всем остальным. Так как наша научная культура

выделялась специально, различие между западной культурой и всеми остальными культурами сильно преувеличивалось. Например, об этом различии говорилось как о радикальном разрыве, существующем в человеческом сознании, а также как о противоположности рационального разума и разума дикарей. С точки зрения Латура, определение нашей научной культуры подобным образом в большинстве случаев носит ажиотажный характер, а зачастую является просто расистским. Его цель — дать новое определение превосходства научной культуры Запада и сделать это, исходя из принципов простоты, экономности и эмпирической верификации. Латур хочет, чтобы мы сошли с неба на землю, с теоретических высот — к практическим действиям и сосредоточили свое внимание именно на тех деталях, которые поставили Запад во главе всего остального мира. Тем самым он стремится сохранить различие между Западом и Востоком, поставив его на более твердую основу. Различие между “Нами” и “Ими”! Является для него не научно-теоретической, но всегда — научно-практической проблемой.

Принцип симметрии, который отстаивает Латур, выступает для него как средство достижения цели, но не как сама цель. Это самый лучший способ избавить самодовольный Запад от опасной иллюзии, своего рода шоковая терапия. Латур как бы говорит человеку Запада: “Они такие же, как мы, они никогда не переставали быть нашими братьями”. Кто-то из его избранной аудитории аплодирует, кто-то испытывает чувство ужаса, но внимание всех приковано к нему. В следующую минуту рассказчик заявляет, что хотя люди Запада не в полной мере относятся к модерну, но они не относятся и к пред-модерну. Аплодисменты усиливаются, страхи утихают. Несмотря на то, что Латур по-новому формулирует различие между “Нами” и “Ими”, считая его случайным следствием масштаба измерения, это различие в определенных пределах все же сохраняет свою необходимость. “Необходимые пределы” вырисовываются по мере того, как Латур только на Западе обнаруживает эксклюзивное право собственности на изобретения и серьезную науку, выполняющую практические действия. По мнению Латура, подлинное величие представителей “нон-модерна” проистекает из их отваги и дерзаний, их склонности к исследованиям и инновациям, их стремления все исправлять, их юношеской безоглядности, постоянно увеличивающегося масштаба их деятельности, создания устойчивых, независимых от общества объектов, из свободы общества от власти вещей.

С другой стороны, неблагородство представителей пред-модерна определяется наличием у них таких свойств, которые прямо противоположны чертам характера представителей нон-модерна: чрезмерной осторожности и осмотрительности; коллективистской ограниченности; ограничений, которые они налагают на все формы экспериментирования с гибридами; ограничений свободы действий. Согласно Латуру, подобные черты, характерные для коллектива, даже в мире нон-модерна являются, надо полагать, вредными, опасными и просто аморальными. Таким образом, Латур явно полагает, что даже представители нон-модерна не смогут выжить, если отрицательные, уничижительные характеристики не расскажут им, кем они не являются и кто они есть на самом деле.

Латур характеризует свойственные нон-модерну комбинации людей и не людей, а также различия между людьми, с помощью понятия “гибриды”. По его мнению, оно является наиболее подходящим для четкого структурирования отношений “люди — не люди”. Применяя понятие “гибрид” в этом социальном контексте, Латур объясняет, почему плодovitость социальных гибридов никогда не гарантируется, а более ранние различия сохраняются и становятся внутренними; почему для того, чтобы свести гетерогенные элементы воедино, всегда требуются предварительные манипуляции; почему социальные гибриды всегда остаются искусственными (а не натуральными) помесями; почему они в любой момент могут распасться.

Можно ли применить понятие “гибридность” к характеристике различий между “Нами” и “Ими”? На первый взгляд, отвечает Латур, нельзя: ведь, если следовать принципу симметрии, разница между “Нами” и “Ими” всегда и повсюду носит чисто культурный характер. Однако каким образом и в чем проявляются эти чисто культурные различия? Во-первых, говорит Латур, они проявляются в отношении к стремлению нарушить видовые различия и приступить к сооружению крупномасштабных гибридных конструкций. В то время как “мы”, представители “нон-модерна”, всегда стремились к гибридизации, к вступлению во все более тесные, сложные, детальные, обширные связи с “не людьми”, “Они”, представители “пред-модерна”, всегда налагали запреты на свое вступление в подобные связи. Следовательно, то, что на первый взгляд является чисто культурным различием, разделяющим “Нас” и “Их”, с введением понятия гибридности начинает походить на различие видов. В теории, с точки

зрения принципа симметрии, “Они” — наши братья; если же принять во внимание практику гибридизации (т. е. науку в ее практических действиях), то “Мы” скоро начинаем понимать, что постепенно стали породой, во всем отличной от “Них”. В настоящее время “Наша” физиология срослась, интегрировалась с “не людьми”; что касается “Их”, то для них подобное нарушение чистоты остается непостижимым.

Понятие гибридности имеет, по-видимому, большое значение для понимания империй и миропорядка в целом. Оно возникало всегда, когда существование империй и определенного миропорядка становилось серьезной проблемой. Оно всегда служило ключевым понятием для всех, кто создавал империи, давая им обильную пищу для размышлений. Оно и сейчас обеспечивает политикам общий рецепт, позволяющий им установить суверенную власть над тем, что в действительности представляет собой чрезвычайно сложную и гетерогенную систему. Гибридность подразумевает способность тех или иных единиц к удачным слияниям, оставаясь при этом, по существу, неизменными. Она позволяет владеть и управлять объектами внешней политики. Из нашей способности видеть и понимать гибриды, из смешения людей и техники, из комбинаций людей и не людей, из взаимодействия различных культур перед политикой и собственностью открываются новые горизонты. Особенно полезным понятие гибридности может оказаться для комплексной характеристики отношений, сложившихся в мире после окончания “холодной войны”, в частности для нового обоснования ведущей роли США и Запада в целом.

Служит ли понятие гибридности обоснованием империализма и колониализма в наши дни, как оно служило в XIX-XX вв.? Несмотря на свои явные усилия доказать обратное, Латур не может избежать имперских амбиций. Для него производство знаний становится синонимом колониализма, способом мягкого применения власти.

З.В. Каганова